

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ: «АНТИРЕСУРС» ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Е. В. Морозова, Н. Т. Русия

Морозова Елена Васильевна,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Русия Натэлла Тенгизовна,

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация.

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме цифрового неравенства в поселенческом измерении, по оси «город-село». Целью статьи является выявление механизмов и последствий влияния цифрового неравенства на жизненные стратегии и практики сельской молодежи, политическую социализацию и молодежную политику в сельских территориях Юга России, а конкретно Краснодарского края и Астраханской области. Теоретическими основаниями исследования послужили концепция молодежи как субъекта общественной жизни, модель цифровой политической социализации, теоретическая модель трех уровней цифрового неравенства. Эмпирическую базу составили материалы проведенного авторами исследования (онлайн анкетного опроса 600 представителей сельской молодежи Краснодарского края и Астраханской области, 10 фокус-групповых интервью в сельских районах этих же субъектов и контент-анализа 36 аккаунтов молодых сельских блогеров в социальных сетях). В статье выявлено инфраструктурное (нестабильность связи, ограниченность доступа) и социально-психологическое (различия в цифровых навыках и практиках использования интернета) измерение цифрового неравенства, что ставит вопрос о необходимости его переосмысления как самостоятельного фактора, влияющего на эффективность молодежной политики на селе и уровень социально-политической активности сельской молодежи. В современных условиях цифровая среда становится основным каналом социальной мобильности, самореализации молодежи, создает новые формы политического участия. Социально-политические практики молодых селян, а также формирование представлений о «желаемом будущем» в значительной степени опосредуются цифровыми платформами. Различия в уровне цифровой включенности трансформируются из технологической проблемы в социально-политический фактор, влияющий на процессы гражданской активности, социализации, идентификации и территориальной мобильности молодежи.

Ключевые слова: сельская молодежь; молодежная политика; цифровизация; цифровое неравенство; гражданская активность; политическая социализация; жизненные стратегии молодежи; Юг России

Для цитирования: Морозова, Е. В., Русия, Н. Т. (2026) 'Молодежная политика в сельских территориях России: «антиресурс» цифрового неравенства', *Вестник Пермского университета. Политология* / *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), сс. 62-74. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

Финансовая поддержка: Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект 25-28-00887 «Идентификационные стратегии и практики молодежи как фактор политики развития сельских территорий».

**YOUTH POLICY IN RURAL AREAS OF RUSSIA:
THE "ANTI-RESOURCE" OF DIGITAL INEQUALITY**

E. V. Morozova, N. T. Rusiya

Elena V. Morozova,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Natella T. Rusiya,
Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation.

Abstract

This article examines digital inequality in its settlement dimension along the urban–rural divide, focusing on its mechanisms and effects on the life strategies and practices of rural youth and youth policy in Krasnodar Krai and Astrakhan Oblast. It is grounded in concepts of youth as a subject of social reproduction and public life, digital socialization, life strategy analysis, and a three-level model of digital inequality. The empirical base includes an online survey of 600 rural youth in Krasnodar Krai and Astrakhan Oblast, 10 focus group interviews in these regions, and content analysis of 36 rural youth bloggers' social media accounts. This article distinguishes infrastructural (unstable connection, limited access) and socio-psychological (differences in digital skills and internet usage practices) dimensions of digital inequality, emphasizing it as an independent factor affecting the effectiveness of rural youth policy. In today's context, the digital environment is becoming the primary channel for social mobility and self-realization for young people. The social practices of young rural residents, as well as the formation of their "desired future" images, are largely mediated by digital platforms. Differences in digital inclusion are becoming a socio-political factor, shaping youth socialization, identity formation, and territorial mobility.

Keywords: rural young people; youth policy; digitalization; digital inequality; life strategies; Southern Russia

For citation: Morozova, E. V., Rusiya, N. T. (2026) 'Youth policy in rural areas of Russia: the "anti-resource" of digital inequality', *Bulletin of Perm University. Political Science*, 20(2), pp. 62-74. DOI: 10.17072/2218-1067-2026-2-62-74

Funding: This article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation, project 25-28-00887 "Youth Identification Strategies and Practices as a Factor in Rural Development Policy."

Введение

Цифровизация общественной жизни существенно изменила механизмы социализации и самореализации молодежи, превратив цифровую среду в один из ключевых каналов доступа к образованию, занятости и социальным возможностям. Эта среда стала пространством новых возможностей гражданской активности и политического участия. Уровень цифровой включенности становится значимым фактором, определяющим различия в жизненных стратегиях молодых людей, механизмы и формы политической социализации. Одновременно возрастает роль государства в создании институциональных условий, обеспечивающих равный доступ молодежи к данным ресурсам. Обеспечение равных возможностей для самореализации молодежи вне зависимости от места проживания закреплено в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹, который фиксирует необходимость формирования условий для развития молодежи, включая доступ к образованию, занятости, социальной инфраструктуре и цифровым технологиям.

Цель данной статьи состоит в выявлении механизмов и последствий влияния цифрового неравенства в его поселенческом измерении на жизненные стратегии и практики молодежи, молодежную политику и социально-политическую активность молодежи в сельских территориях Юга России, а именно Краснодарского края и Астраханской области.

¹ О молодежной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202012300003> (дата обращения: 28.01.2026).

Теоретическая рамка исследования сформирована концепцией молодежи как субъекта общественного воспроизводства и общественной жизни (Чупров, 2008), моделью цифровой социализации (Солдатова, 2018), интегральной моделью анализа жизненных стратегий, направленной на выявление основных факторов, формирующих, способствующих и препятствующих реализации различных стратегий молодежи (Балич, 2023). Цифровая инклюзия рассматривается как ключевой фактор политической социализации в современных условиях (Морозова и др., 2021). Авторами использована теоретическая модель трех уровней неравенства, согласно которой первый уровень цифровых расколов обусловлен доступом к Интернету (технологическое неравенство); второй уровень определяется уровнем освоения цифровых компетенций гражданами и личной мотивацией пользователей (различия в навыках онлайн-пользователей); третий уровень проявляется в дифференциации эффективности и результативности использования цифровых технологий для различных целей граждан (приобретаемые выгоды и результаты, получаемые пользователями в профессиональной, социальной, экономической, культурной и политической сферах деятельности). Данная модель, предложенная Э. Хелспер, основывается на формировании и развитии институциональных механизмов политики цифровой инклюзии, направленных на решение проблем, возникающих в реальной жизни «исключенных» в результате цифровых разрывов групп пользователей. Люди, лишенные доступа к Сети и не обладающие необходимыми навыками использования цифровых технологий, стали называться эксклюзантами. Существует определенный риск роста цифрового неравенства до такой степени, что представители групп эксклюзантов «оказываются в “другой Вселенной” с точки зрения своих экономических и социальных возможностей» (Цифровая жизнь..., 2020: 7).

Исследователи цифрового неравенства часто используют термин «эффект Матфея», смысл которого заключается в том, что это неравенство усугубляет прочие виды неравенства, работает по принципу «петли обратной связи» и усиливает кумулятивные эффекты различных видов неравенства.

Разные аспекты цифрового неравенства сельских территорий, в основном в контексте их инновационного развития, получили отражение в работах зарубежных исследователей (Arcuri et al., 2023; Fahmi, Arifianto, 2022; Lioutas, Charatsari, 2022; De Rosa et al., 2024; Farinha, Martins, 2025; Ofori et al., 2025; Shen, 2023). Поселенческое измерение цифрового неравенства в российских условиях имеет более выраженные проявления. «Городские территории и регионы, имеющие высокий социально-экономический потенциал, с ростом цифровизации получают новый импульс для своего развития, а сельские территории и регионы с депрессивной экономикой становятся уязвимыми в цифровом отношении» (Костяев, 2024). В Российской Федерации в процессе цифровизации общества, «за исключением достаточно редких случаев, когда показатели стабилизируются (иногда на маргинально низких границах), село отстает от города на 5–6 лет» (Сальников, 2021). Постепенно происходит сокращение цифрового разрыва между городом и селом по широкополосному доступу к сети Интернет, в особенности с использованием мобильной связи, одновременно растет неравенство в уровне цифровой компетентности пользователей и их цифровой грамотности. В трудах российских исследователей выявляются уровень цифровой грамотности сельских жителей, использование ими государственных и муниципальных услуг в онлайн-формате, влияние пандемии COVID на цифровизацию села, активность в электронных покупках (Лукашин, 2021; Кириллова и др., 2021; Садырtdинов, 2024)². Ряд исследований посвящен региональным кейсам цифрового неравенства в поселенческом измерении (Хвалеи, 2025; Былина, 2018; Прокопьев, 2021; Шабунова и др., 2020; Михайлова, 2021).

Методы исследования

Методология исследования основана на сочетании количественных и качественных методов. Его эмпирическую базу составили материалы электронного опроса сельской молодежи, который производился на платформе Survey-Studio с возможностью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 600 респондентов в возрасте от 18 до 39 лет, половина из которых проживают в сельских поселениях Краснодарского края, а половина – в сельских поселениях Астраханской области. Выборочная совокупность количественного исследования сформирована целенаправленным методом типичных представителей. Основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов. Интересные данные были получены в ходе фокус-групповых интервью с сельской молодежью в 10 районах этих же регионов (6 – в Краснодарском крае, 4 – в Астраханской области). В ходе исследования

² Шомполов А. Д. (2025) Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия [Электронный ресурс], *Научный лидер*, 19. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoe-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 28.01.2026).

дополнительно осуществлялись мониторинг и качественный контент-анализ аккаунтов 36 сельских блогеров в социальных сетях (Telegram, «ВКонтакте», «Одноклассники») в 2024–2025 гг.

Селяне составляют 35,6 % общей численности населения Астраханской области и 42,9 % в Краснодарском крае. Если в городских населенных пунктах Краснодарского края население за 2010–2022 гг. выросло на 15 %, то в сельских – всего на 1,9 %. С 2020 г. рост численности сельского населения края сменился его сокращением, что в итоге привело к снижению его доли во всем населении с 47,1 до 42,9 %. В Краснодарском крае, преимущественно на его сельских территориях, происходит активная миграция пожилого населения из других регионов страны. Как следствие, доля населения в возрасте 65+ лет в сельских поселениях здесь значительно превышает среднероссийский показатель и устойчиво растет: с 23,7 % в 2011 г. до 27 % в 2021 г. С увеличением доли пожилых снижается доля трудоспособного населения, которая за тот же период сократилась на 2,8 % (с 58,6 % в 2011 г. до 55,8 % в 2022 г.) (Ракачев, 2023).

По индексу цифровой экосистемы регионов России в 2025 г. Краснодарский край и Астраханская область оказались в середине: 20 и 26-е места в рейтинге соответственно, что говорит о том, что ситуация с развитостью инфраструктуры, качеством пользовательских навыков и цифровыми сервисами здесь достаточно типичная³.

Цифровое неравенство сельских территорий: состояние и последствия для молодежи

Фактор места проживания является значимым для уровня цифрового развития, прежде всего за счет инфраструктурной составляющей. По данным совместных замеров Росстата и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2018 г., среди регионов с наименьшим доступом в Интернет преобладают те, в которых наиболее высокая доля сельского населения. Для жителей сельских поселений затруднена возможность установки проводных высокоскоростных соединений. По сведениям Минцифры, если в Москве скорость интернет-соединения превышает 100 Мбит/с, то в Республике Тыва этот показатель едва достигает 10 Мбит/с⁴. Разрыв заметен и в охвате домохозяйств, так как в Центральном федеральном округе доступ к сети имеют 85 % семей, тогда как на Северном Кавказе – лишь чуть более половины. Параллельно с этим данные Росстата указывают на устойчивость группы NEET. В 2022 г. порядка 9,8 % молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет фактически выпали из социальной структуры, не имея работы и не проходя обучение⁵. В данном случае мобильный Интернет является альтернативой: подавляющее большинство сельских жителей используют мобильные устройства (Груздева, 2022). Однако далеко не все услуги и форматы мобильный Интернет позволяет использовать, покрытие мобильных операторов неполное, и порой связь крайне неустойчива, особенно в обстановке ее ограничений в связи с СВО.

Среди регионов с высокими долями отказа от пользования Интернетом по причине отсутствия необходимых навыков преобладают территории с высокой долей сельского населения. Значения разнятся (в рамках данной группы): от Республики Мордовия, где 36 % населения проживает в селах и в 40 % случаев домохозяйства, не имеющие доступа к Интернету, называют причиной именно недостаток навыков, до Курганской области с 38 % сельских жителей и 59 % семей, не имеющих достаточных навыков для использования Интернета⁶.

Основываясь на официальных документах международных профессиональных организаций, а также на отечественных и зарубежных исследованиях, Е.Л. Вартанова выделяет несколько групп компетенций, формирующих медиа- и информационную грамотность:

- поисковые навыки: навыки верного формулирования информационного запроса, навыки оперативного поиска информации;
- ориентация в информационном пространстве: знание ключевых ресурсов, работа с любыми источниками информации (аудиовизуальные, письменные, аналоговые, электронные, цифровые);
- аналитические навыки: способность анализировать информацию, критическое мышление, осмысление и интерпретация информации;
- информационная безопасность.

³ Индекс цифровой экосистемы регионов России (ИЦЭР) [Электронный ресурс].

URL: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=9920 (дата обращения: 21.03.2026).

⁴ Шомполов А. Д. (2025) Цифровое неравенство регионов России: причины и последствия [Электронный ресурс], *Научный лидер*, 19. URL: <https://scilead.ru/article/8719-tsifrovoye-neravenstvo-regionov-rossii-prichin> (дата обращения: 28.01.2026).

⁵ Цели устойчивого развития в Российской Федерации (2025): крат. стат. сб. / Росстат. М., 2025. С. 58.

⁶ Там же. С. 19.

В целом уровень цифровой грамотности в российских столицах выше, чем в среднем по стране (62 против 58 пунктов), а в селах и поселках городского типа – ниже (55 пунктов). Эти данные коррелируют с проведенным в 2020 г. исследованием цифрового капитала российских интернет-пользователей, продемонстрировавшим взаимосвязь между уровнем цифрового капитала и размером населенного пункта, в котором проживали участники исследования. Было выявлено, что пользователи, живущие в более крупных городах, имеют более высокий уровень цифрового капитала по сравнению с теми, кто проживает в небольших городах и сельской местности (Вартанова, Гладкова, 2021).

Принято считать, что уровень цифровой грамотности «цифровых аборигенов» (т.е. поколения Z) значительно превышает уровень «цифровых мигрантов» (предшествующих поколений). Однако эксперты отмечают, что для российских подростков и их родителей в целом характерны необоснованно оптимистичное и упрощенное представление об Интернете, завышенная оценка собственной цифровой компетентности, довольно низкая мотивация к ее повышению (Солдатова и др., 2017: 345). Каждый шестой из опрошенных нами краснодарских подростков при ответе на вопрос об уровне владения цифровыми технологиями выбрал ответ «я уверен, что мои знания в области цифровых технологий развиты очень хорошо и не требуют совершенствования», а 45 % респондентов полагают, что у них «редко находится время для совершенствования своих навыков применения цифровых технологий», лишь треть опрошенных используют различные ресурсы и программы, чтобы улучшить свои цифровые навыки (Морозова и др., 2021). Примечательно, что общероссийский индекс цифровой грамотности в 2024 г. составил 6,65 балла (из 10 возможных), однако наиболее низкие результаты показала именно группа 18–25 лет⁷.

Цифровое неравенство создает новые социальные лифты: уровень владения информационными технологиями становится важнейшим дифференцирующим фактором и устанавливает новые рамки системы социализации. Люди с низким уровнем образования проводят в Интернете больше времени, чем их более образованные сограждане. Но респонденты с высоким социальным статусом чаще используют Интернет для «полезных» типов деятельности. Высокообразованные люди чаще используют Интернет для рабочих и образовательных задач, а также социального и политического участия (Волченко, 2016). Ученые установили, что наличие цифровых навыков значительно влияет на успешность в трудоустройстве. Если люди умеют делать базовые вещи: пользоваться электронной почтой, работать с текстовыми файлами и Excel-таблицами, их шансы получить работу значительно повышаются. В России онлайн учатся только 3 % тех, кто имеет техническую возможность, в США и Корее – 20 %, в Швеции и Финляндии – 18 и 17 %, в Великобритании – 14 %⁸.

Важными факторами реализации жизненных стратегий сельской молодежи являются постепенное становление многоукладности сельской экономики и диверсификация аграрной модели хозяйствования, постепенная цифровизация всех сфер жизни сельского социума. Вместе с тем ключевую роль в реализации этих стратегий играют такие ресурсы, как образование и квалификация, наличие системы социальных лифтов, поддержка семьи, материальное благополучие, а также внутренние, личностные ресурсы (включенность в систему социальных связей, уровень личных притязаний и уровень адаптивности, стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями).

Почему мы использовали метафору «антиресурс», говоря о цифровом неравенстве в городе и селе? Цифровое неравенство обедняет абсолютно все виды ресурсов (не только цифровые), истончает цифровой капитал личности и сельского сообщества. В начале 2000-х гг., анализируя роль цифровых технологий в обществе, П. Норрис называла их «ящиком Пандоры, открывающим новые неравенства власти и богатства, что углубляет различия между информационно богатыми и бедными, подключенными и неподключенными, активными и пассивными» (Norris, 2001: 13).

Приведем лишь некоторые негативные последствия цифрового неравенства для сельской молодежи:

- сокращение возможностей дистанционного обучения на качественном уровне;
- отсутствие устойчивых возможностей для дистанционной работы, а значит, значительное сокращение спектра трудоустройства;
- сокращение возможностей социально-политической активности как в рамках локального сообщества, так и в деятельности общественных организаций;

⁷ Цифровой диктант – 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://d-economy.ru/news/v-cifrovom-diktante-2024-prinjali-uchastie-bolee-2-mln-chelovek-uroven-cifrovoj-gramotnosti-naselenija-rossii-sostavil-6-65-balla-iz-10/> (дата обращения: 29.01.2026).

⁸ Интернет как роскошь: что такое цифровое неравенство и как его преодолеть [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6172591c9a79471433d3fd60> (дата обращения: 13.01.2026)

- трудности в развитии предпринимательства, так как отсутствие стабильного доступа к интернет-ресурсам затрудняет пользование возможностями электронного предоставления отчетности в налоговые органы, электронного банкинга и прочих аналогичных услуг;
- расширение границ такой социальной группы, как NEET-молодежь (это молодые люди, которые нигде не учатся и не работают, образуют особую группу риска, поскольку в большей степени подвержены маргинализации, бедности, отчуждению и социальной эксклюзии);
- затруднение доступа к консультационным услугам, в том числе медицинским, юридическим, финансовым и др.;
- несформированность важных новых навыков в области цифровой безопасности (например, распознавания фейков и интернет-мошенничества), что создает серьезные риски для молодых людей.

В совокупности перечисленные и иные негативные последствия цифрового неравенства значительно снижают субъективную оценку социального благополучия молодых людей, сокращают возможности их социальной мобильности и ведут к тому, что миграционные стратегии молодых сельян становятся приоритетными, а депопуляция сельских территорий приобретает угрожающие масштабы. Усугубляются диспропорции социально-экономического развития сельских территорий. Разумеется, изменение ситуации требует комплексного подхода и стратегических решений. Мы попробуем разобраться, какую роль в преодолении цифрового неравенства может сыграть молодежная политика. Простая цифровизация без изменения организации общественных отношений и институтов недостаточна для достижения цифровой трансформации. «Она может привести только к оцифровке существующих институтов, в которой передовая технологическая форма маскирует морально устаревшее содержание» (Орехов, Чубаров, 2024).

Цифровизация как фактор молодежной политики на селе

Особое место в системе молодежной политики занимает сельская молодежь, что связано с задачами пространственного развития страны, преодоления демографических диспропорций и обеспечения устойчивости сельских территорий. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2030 г. и в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий» (2020–2025 гг.)⁹, реализация которой продолжена в рамках последующих этапов государственной политики до 2030 г., подчеркивается необходимость повышения качества жизни на селе, включая развитие социальной и цифровой инфраструктуры.

В последние годы сформировался ряд институциональных механизмов и практик, направленных на цифровую интеграцию сельской молодежи. Одним из ключевых инструментов стал федеральный проект «Кадры для села» (реализуется Российским союзом сельской молодежи при поддержке Министерства сельского хозяйства РФ и Росмолодежи), в рамках которого проводятся образовательные интенсивы, конкурсы управленческих проектов и стажировки для молодых специалистов, желающих работать и развиваться в сельской местности. Значительная часть мероприятий проекта переведена в онлайн-формат, что предполагает наличие у участников не только технического доступа к сети, но и развитых цифровых компетенций.

Развитие цифровой среды для сельской молодежи также обеспечивается через экосистему платформы «Россия – страна возможностей», включающей конкурсы «Лидеры села», «Мастера гостеприимства» (сельский трек), а также грантовые конкурсы Росмолодежи, где одним из ключевых направлений поддержки являются проекты, направленные на развитие сельских территорий. Подача заявок, обучение, сопровождение и сетевое взаимодействие участников этих конкурсов осуществляются преимущественно в цифровом формате, что делает доступ к устойчивому Интернету и владение цифровыми инструментами необходимым условием участия.

На уровне региональной молодежной политики реализуются программы по созданию цифровых пространств для сельской молодежи: открываются молодежные центры цифрового развития,

⁹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2023 г. № 3789-р. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202312290015> (дата обращения 13.01.2026); Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201906030004> (дата обращения: 13.01.2026).

внедряются дистанционные форматы работы с молодежными сообществами, развиваются платформы для онлайн-обучения и профессиональной ориентации.

На уровне политического дискурса приоритетность развития сельских территорий и привлечения молодежи также последовательно артикулируется. В частности, в публичных выступлениях Президента Российской Федерации акцентируется необходимость комплексного улучшения условий жизни на селе, включая развитие социальной инфраструктуры, образования и повышение доходов населения; при этом подчеркивается, что «самое главное – повышение уровня благосостояния людей, которые проживают на селе»¹⁰.

Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о сохранении территориальных диспропорций в уровне цифрового развития. По данным Росстата, доля домохозяйств, не имеющих доступа к Интернету, в сельской местности остается выше, чем в городах (14,1 % против 8,3 %), что указывает на наличие инфраструктурного цифрового неравенства. В то же время исследования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» фиксируют «вторичный цифровой разрыв», связанный с различиями в уровне цифровых навыков и способности использовать цифровые ресурсы для образования и занятости. Одновременно исследования ВЦИОМ показывают, что значительная часть молодежи рассматривает переезд в крупные города как более перспективную стратегию, связывая его с лучшими возможностями образования и профессиональной реализации, что поддерживает восприятие сельской местности как пространства с ограниченными возможностями самореализации.

Таким образом, возникает проблема, заключающаяся в несоответствии между декларируемыми целями государственной молодежной политики по обеспечению равных возможностей и фактическими условиями их реализации в сельской местности, обусловленными цифровым неравенством. Это требует переосмысления роли цифрового неравенства как фактора молодежной политики и анализа его влияния на политическую активность и социальные практики сельской молодежи.

Количественные данные, полученные авторами, показывают высокую степень формальной включенности сельской молодежи в интернет-среду. 96,5 % респондентов используют Интернет ежедневно, что на первый взгляд свидетельствует о преодолении цифрового разрыва. Однако за этими цифрами скрываются серьезные качественные проблемы. Почти половина опрошенных (44,3 %) сталкиваются с трудностями при использовании цифровых технологий, причем в Астраханской области этот показатель выше (46,4 % против 42,1 % в Краснодарском крае).

Ключевым препятствием, по мнению респондентов, является не отсутствие Интернета как такового, а его нестабильность и непредсказуемость. Это принципиально важное отличие: для городского жителя Интернет – это стабильная коммунальная услуга, для сельского – ресурс, наличие которого нельзя гарантировать. Участники фокус-групп подчеркивают, что «цифровая среда» на селе превращается в фактор неопределенности: *«У нас просто проблемы с Интернетом. Либо резко отключает, то, что даже не дозвониться... они сразу же либо звонят, либо пишут, но, как обычно, знаете, ничего, у нас отключают Интернет, они не смогут, не могут им звонить, но потом через некоторое время я им пишу через Wi-Fi, через “ВК”, что все в порядке, все хорошо, просто Интернет отключили»* (Астраханская область).

Проблема усугубляется низким качеством покрытия в отдаленных населенных пунктах и высокой стоимостью подключения. Более того, в некоторых селах проблема носит не технический, а политико-технический характер, связанный с близостью к режимным объектам.

В Краснодарском крае, где инфраструктура в целом лучше, проблемы носят иной характер: они связаны с качеством связи в конкретных населенных пунктах и зависимостью от погодных условий: *«У нас, допустим, летом случилась непогода, очень сильный был ветер, сильный дождь, и во многих домах оборвались провода Интернета. Очень долго не работал WI-FI. Из-за того, что мы находимся очень далеко, ни одна служба, которая этим всем занимается, не обращала внимания на наши заявки»* (Краснодарский край); *«“Ростелеком” пытаешься подключить, ты не можешь его подключить. “Мегафона” здесь нормального вообще нет... У нас поселок Мирный, где живут мои родители, чтобы им дозвониться, не дай Бог, если что-то случится, я обзваниваю всех соседей»* (Краснодарский край). Проблема усугубляется высокой стоимостью подключения в частном секторе: *«Обычно в частный дом провести это в принципе достаточно дорогое дело»* (Краснодарский край). Это создает ситуацию, при которой формальный доступ (наличие смартфона и другого оборудования) не гарантирует полноценного использования Интернета для работы или образования. Формируется специфическая практика

¹⁰ Путин рассказал, как привлечь в село молодые кадры [Электронный ресурс], RG. URL: https://rg.ru/2024/12/19/reg-sibfo/putin-rasskazal-kak-privlech-v-selo-molodye-kadry.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fvnrniks.ru%2F (дата обращения: 13.01.2026).

«цифрового ожидания» – когда доступность Сети становится фактором, определяющим планирование в ближайшей и отдаленной перспективе.

Анализ целей использования Интернета показывает, что досуг и развлечения занимают значительную часть времени: 73,1 % опрошенных используют его для развлечений; 86,8 % – для коммуникации. Однако в ходе качественных интервью выясняется, что функциональность Интернета для селян сужается из-за технических ограничений. Молодежь вынуждена адаптировать свои онлайн-практики к нестабильной связи.

Интересно, что молодые люди адаптируются к перебоям связи, перестраивая свои онлайн-практики и формируя специфический набор используемых платформ. На вопрос о популярных социальных сетях участники фокус-групп отмечают вынужденный переход на более устойчивые каналы, причем выбор платформы часто диктуется не столько личными предпочтениями, сколько технической надежностью: «“ВК”, потому что там могут выложить какую-нибудь информацию по поводу села. У нас есть группа... “ВК”, Белые списки, потому что другого ничего нет» (Астраханская область).

Цифровое неравенство становится барьером для использования Интернета в качестве инструмента получения государственных услуг. Хотя 40,7 % используют Сеть для получения госуслуг, этот показатель ниже, чем в среднем по стране, и сопровождается жалобами на невозможность оперативной связи, что особенно критично для удаленных сел, где другие способы взаимодействия с властями затруднены.

В контексте молодежной политики полученные данные указывают на рассогласование между формальными условиями и реальными механизмами формирования жизненных стратегий сельской молодежи. С одной стороны, цифровая среда выступает каналом трансляции внешних моделей успешности, усиливая восприятие ограниченности локальных возможностей и формируя установки на миграцию. С другой стороны, те же цифровые ресурсы используются частью молодежи для выстраивания альтернативных траекторий – через самозанятость, участие в онлайн-активностях и практики цифровой самопрезентации.

Это свидетельствует о том, что ключевым фактором становится не сам доступ к цифровой инфраструктуре, а способность использовать цифровую среду как ресурс самореализации. Соответственно, различия в уровне цифровой включенности напрямую связаны с различиями в жизненных стратегиях: от ориентации на выезд до попыток закрепления в сельской местности через новые формы занятости и активности.

При этом важно учитывать, что значительная часть инструментов государственной молодежной политики уже изначально предполагает цифровую включенность участников. Подача заявок на грантовые конкурсы, участие в форумных кампаниях, регистрация на федеральных платформах и в образовательных программах осуществляется преимущественно в онлайн-формате. В этих условиях недостаточный уровень цифровых компетенций или ограниченная включенность в цифровые практики могут становиться барьером доступа к самим механизмам поддержки, тем самым усиливая неравенство возможностей внутри молодежной среды.

Цифровизация как катализатор социально-экономической активности и формирования идентичности: двойственная природа влияния

Несмотря на описанные трудности, развитие цифровых технологий оказывает положительное влияние на жизнь села. Молодые люди отмечают, что благодаря Интернету улучшилась информированность о событиях и повысилась вовлеченность в культурную жизнь: *«А сейчас через “ВК” пишут, что вот такое мероприятие будет, приходите все. Либо помочь, и все с удовольствием приходят и знают»* (Астраханская область).

Эмпирические данные показывают, что цифровая среда выступает и ресурсом расширения возможностей. В ряде высказываний фиксируется включенность молодежи в разнообразные формы активности – от образования и волонтерства до самозанятости (*«я начала и волонтерством заниматься... и в колледже помогаю в развитии»*; *«...оформилась самозанятой... и теперь выполняю некоторые заказы. Работаю на себя»* (Краснодарский край)).

В этом контексте показательным является сюжет, связанный с развитием практик цифровой самопрезентации, включая сельский блогинг. Несмотря на то что подобные практики не носят массового характера, они демонстрируют возможность перехода от потребления цифрового контента к его производству. Цифровые платформы позволяют репрезентировать сельскую повседневность, формировать аудиторию и в ряде случаев выстраивать экономические стратегии без необходимости миграции. Как

часть современной социокультурной среды сельские блогеры не только сохраняют существующие культурные практики, но и создают новые, уникальные формы взаимодействия. Они выступают не просто как ретрансляторы традиционных ценностей, а как создатели нового ценностного гибрида, в котором традиционные аграрные установки синтезируются с современными ценностями самореализации, экологичности и цифровой открытости. В определенном смысле практики сельских блогеров являются эмпирическим подтверждением идеи о том, что дихотомия традиции и инновации преодолима, возможна их конвергенция, которая может стать важным фактором успешной политики развития. Это делает блогеров важными акторами в процессе переопределения культурного и ценностного ландшафта сельских территорий современной России.

Цифровые платформы становятся инструментом влияния и решения локальных проблем. Участники фокус-групп описывают случай с жителями села, которые смогли добиться остановки автобуса, обратившись к блогеру. Этот пример демонстрирует, как цифровая активность становится ресурсом для консолидации сообщества и взаимодействия с властью: «...написали петицию... он снял видео о том, как жителям нашего села тяжело сказать. Вот. И с этим обратились куда-то выше. И теперь у нас автобус останавливается» (Астраханская область).

Однако исследование фиксирует и обратный, деструктивный эффект. Распространение контента из городов через цифровую среду может провоцировать рост девиантного поведения среди молодежи. Механизм этого влияния двоякий: с одной стороны, происходит копирование образцов поведения, с другой – формируется критическое отношение к собственной сельской среде: «Раньше в селе молодежь была более спокойной... Несмотря на все вот это, что выкладывают в Интернет, просто стали... повторять, да. Ну, грубо говоря, они сами уничтожают мир, в котором живут» (Астраханская область). Кроме того, наблюдается эффект «цифрового затворничества», когда Интернет заменяет реальное общение: «Все в Интернете. Либо в Интернете, игра в Роблокс, либо там поехать в город, погулять, в кафешки. Раньше звали все на речку. Пошли на речку, пошли. Там купаешься. Общения в жизни стало меньше, мне кажется» (Астраханская область). В одной из фокус-групп возникла дискуссия между работающей молодежью и учащейся на тему досуга:

Информант 1 (учащийся): *Если откинуть работу, у городских, сколько я с ними общался, они просто не зависят от местности. Они захотели и уехали на один конец города гулять туда-сюда. Работа, учеба – все, дальше гульки. А здесь у тебя все равно перед родителями какая-то задача стоит. То же самое работа или еще что-то.*

Модератор: *Хозяйство имеете в виду?*

Информант 1 (учащийся): *Да. У тебя не всегда на это время есть силы.*

Информант 2 (учащийся): *Если гулять негде.*

Информант (представитель работающей молодежи): *Я не согласна с молодежью категорически. Как это негде гулять? Главное – чтобы была хорошая компания (Каневской район, Краснодарский край).*

Информант (учащийся): *Вот каждые две недели я в Краснодар. Мы там гуляем.*

Таким образом, цифровизация создает двойственный эффект: с одной стороны, она сплачивает сообщество и открывает новые каналы коммуникации, с другой – размывает традиционные устои, тиражируя городские, порой деструктивные, модели поведения и снижая интенсивность живого общения.

Заключение

Цифровое неравенство в сельской местности выходит за рамки технической проблемы доступа. Наряду с формированием институциональных механизмов цифровой интеграции сельской молодежи, сохраняется разрыв между декларируемыми целями молодежной политики и реальными условиями их реализации. Этот разрыв имеет как инфраструктурное измерение (нестабильность связи, ограниченность доступа), так и социально-психологическое (различия в цифровых навыках и практиках использования Интернета), что ставит вопрос о необходимости переосмысления цифрового неравенства как самостоятельного фактора, влияющего на эффективность молодежной политики на селе.

В этих условиях формируется противоречие современной молодежной политики: с одной стороны, на нормативном и программном уровне декларируется обеспечение равных возможностей для молодежи вне зависимости от места проживания, включая развитие цифровой инфраструктуры и расширение доступа к социальным ресурсам; с другой стороны, сохраняется фактическое неравенство в уровне цифровой включенности сельской молодежи, что ограничивает ее доступ к данным возможностям и воспроизводит территориальные различия в жизненных стратегиях.

Данное противоречие усиливается тем, что в условиях цифровизации именно цифровая среда становится основным каналом социальной мобильности и самореализации молодежи. Образовательные траектории, профессиональная ориентация, участие в общественной и политической жизни, а также формирование представлений о «желаемом будущем» в значительной степени опосредуются цифровыми платформами. В результате различия в уровне цифровой включенности трансформируются из технологической проблемы в социально-политический фактор, влияющий на процессы социализации, идентификации и территориальной мобильности молодежи.

Нестабильный мобильный Интернет ограничивает возможности для дистанционного обучения и удаленной работы, что снижает привлекательность села для квалифицированных кадров и создает дополнительные барьеры для получения качественного образования. Подключение по оптоволокну экономически невыгодно для отдаленных или малонаселенных сельских территорий.

Цифровое неравенство сокращает возможности социальной активности и гражданского участия. Надежная связь является базой для самоорганизации, участия в грантовых конкурсах, инициативного бюджетирования и взаимодействия с властью. Цифровая нестабильность создает дополнительные препятствия для вовлечения молодежи в социально-политическую жизнь.

Цифровая среда транслирует как позитивные (возможность объединяться, получать информацию, участвовать в общероссийских проектах), так и негативные (девиантные модели поведения, ощущение «окраинности» и отсталости) образцы. При этом нестабильность связи укрепляет восприятие села как «места, где невозможно полноценно жить и работать», подталкивая к оттоку молодежи в города.

Замена живого общения виртуальным, снижение интенсивности уличных коммуникаций и традиционных форм досуга, обсуждаемые в ходе фокус-групп, свидетельствуют о глубинной трансформации социальных связей под влиянием цифровизации. Этот фактор пока слабо учитывается субъектами молодежной политики и акторами культурно-просветительской деятельности в сельских территориях.

Для эффективной реализации государственной молодежной политики на селе необходима смена парадигмы: от простого обеспечения «точками доступа» к созданию условий для полноценного использования цифровых возможностей. Это требует интеграции задач по развитию цифровой среды в региональные и муниципальные программы поддержки молодежи. Необходим комплексный подход, включающий поддержку локальных цифровых инициатив, создание условий для развития сельских блогеров, местных сообществ в социальных сетях, цифровых платформ для решения локальных проблем и интеграцию цифровых сервисов (обеспечение доступности и удобства использования государственных и муниципальных услуг в цифровом формате для сельских жителей). «Цифровой профиль», «цифровой капитал», «цифровые якоря» – эти понятия должны не только войти в публичный дискурс молодежной политики, но и преобразоваться в практические цели деятельности субъектов молодежной политики. Если органы по работе с молодежью, молодежные организации и гражданские инициативы будут воспринимать цифровизацию как процесс, способный в системе молодежной политики формировать модели поддержки и диффузии инноваций, способствовать консолидации молодежных сообществ, формированию гражданской идентичности, это позволит позитивно влиять на жизненные стратегии молодых людей и усилит человеческий потенциал улучшить сельских территорий.

Список литературы / References

- Балич, Н. Л. (2023) 'Концептуальные основы исследования жизненных стратегий сельской молодежи Беларуси', *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*, 68(2), сс. 104–111. DOI: 10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111. [Balich, N.L. (2023) 'Conceptual Foundations for Studying Life Strategies of Rural Youth in Belarus', *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk*, 68(2), pp. 104–111. DOI: 10.29235/2524-2369-2023-68-2-104-111. (In Russ.)].
- Былина, С. Г. (2018) 'Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением', *Проблемы развития территории*, 5(97), сс. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6. [Bylina, S.G. (2018) 'Regional features and determinants of the use of electronic services by the rural population', *Problemy razvitiya territorii*, 5(97), pp. 84–98. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.6. (In Russ.)].
- Варганова, Е. Л., Гладкова, А. А. (2021) 'Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений', *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*,

- (1), сс. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. [Vartanova, E. L., Gladkova, A. A. (2021) 'Digital inequality, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and policy decisions', *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*, (1), pp. 3–29. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.329. (In Russ.)].
- Волченко, О. В. (2016) 'Динамика цифрового неравенства в России', *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (5), сс. 162–181. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10. [Volchenko, O.V. (2016) 'Dynamics of digital inequality in Russia', *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5), pp. 162–181. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10. (In Russ.)].
- Груздева, М. А. (2022) 'Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов', *Цифровая социология*, 5(1), сс. 15–24. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-15-24. [Gruzdeva, M.A. (2022) 'Civic participation digitalisation: limitations in the digital divides field', *Digital Sociology*, 5(1), pp. 15–24. DOI: 10.26425/2658-347X-2022-5-1-15-24. (In Russ.)].
- Кирилова, Д.А., Маслов, Н.С., Рейн, А. Д. (2021) 'Преодоление цифрового неравенства сельских территорий', *International Journal of Open Information Technologies*, 9(9), сс. 21–26. [Kirilova, D.A., Maslov, N.S., Reyn, A.D. (2021) 'Overcoming digital inequality in rural territories' [., *International Journal of Open Information Technologies*, 9(9), pp. 21–26. (In Russ.)].
- Костяев, А. И. (2024) 'Цифровое неравенство между городским и сельским населением', *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 17(3), сс. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3. [Kostyaev, A.I. (2024) 'Digital inequality between urban and rural population', *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(3), pp. 50–67. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.3. (In Russ.)].
- Лукашин, Н. А. (2021) 'Информационные технологии и инфраструктура сельских территорий', *Креативная экономика*, 15(6), сс. 2603–2614. DOI: 10.18334/ce.15.6.112193. [Lukashin, N.A. (2021) 'Information technology and rural infrastructure', *Creative Economy*, 15(6), pp. 2603–2614. DOI: 10.18334/ce.15.6.112193. (In Russ.)].
- Михайлова, А. А. (2021) 'Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий', *Балтийский регион*, 13(3), сс. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9. [Mikhaylova, A.A. (2021) 'Valuating the appropriation of digital technologies across Russian regions', *Baltiyskiy region*, 13(3), pp. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-3-9. (In Russ.)].
- Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В., Шпиро, Л. А. (2021) 'Цифровая инклюзия как фактор политической социализации старшеклассников', *Социальные и гуманитарные знания*, 7(4), сс. 378–391. [Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V. and Shpiro, L.A. (2021) 'Digital inclusion as a factor of political socialization of high school students', *Sotsial'nye i humanitarnye znaniya*, 7(4), pp. 378–391. (In Russ.)].
- Орехов, А. М., Чубаров, Н. А. (2024) 'Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*, 28(1), сс. 260–272. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. [Orekhov, A. M., Chubarov, N. A. (2024) 'Digital inequality and digital justice: social-philosophical aspects of the problem', *RUDN Journal of Philosophy*, 28(1), pp. 260–272. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272. (In Russ.)].
- Прокопьев, Е. А. (2021) 'Факторы внутрирегионального цифрового разрыва: оценка сайтов поселений (на примере Республики Карелия)', *Проблемы рыночной экономики*, (4), сс. 50–71. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-4-50-71. [Prokop'ev, E. A. (2021) 'Factors of the intraregional digital divide: assessing settlement websites (the case of the Republic of Karelia)', *Problemy rynochnoy ekonomiki*, (4), pp. 50–71. DOI: 10.33051/2500-2325-2021-4-50-71. (In Russ.)].
- Ракачев, В. Н. (2023) 'Сельские территории Краснодарского края в контексте политики пространственного развития: социально-демографический аспект', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25(3), сс. 699–721. DOI: 10.22363/2313-

- 1438-2023-25-3-699-721. [Rakachev, V. N. (2023) 'Rural territories of Krasnodar Krai in the context of spatial development policy: the socio-demographic aspect', *RUDN Journal of Political Science*, 25(3), pp. 699–721. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-699-721. (In Russ.)].
- Садырtdинов, Р. Р. (2024) 'Цифровой разрыв в сельской России: последствия пандемии COVID-19', *Ars Administrandi*, 16(4), сс. 650–664. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-650-664. [Sadyrtdinov, R.R. (2024) 'The digital divide in rural Russia: the COVID-19 pandemic consequences', *Ars Administrandi*, 16(4), pp. 650–664. DOI: 10.17072/2218-9173-2024-4-650-664. (In Russ.)].
- Сальников, С. Г. (2021) 'Цифровое неравенство между городом и селом: догнать нельзя отстать', *Никоновские чтения*, (26), pp. 125–129. [Sal'nikov, S.G. (2021) 'Digital inequality between city and village: impossible to catch up, impossible to lag behind' [Tsifrovoe neravenstvo mezhdru gorodom i selom: dognat' nel'zya otstat'], *Nikonovskie chteniya*, (26), pp. 125–129. (In Russ.)].
- Солдатова, Г. У. (2018) 'Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире', *Социальная психология и общество*, 9(3), сс. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. [Soldatova, G.U. (2018) 'Digital socialization in the cultural-historical paradigm: the changing child in the changing world', *Social Psychology and Society*, 9(3), pp. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308. (In Russ.)].
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017) *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность*. Москва: Смысл. [Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I., Nestik, T. A. (2017) *Russia's Digital Generation: Competence and Safety*, Moscow: Smysl. (In Russ.)].
- Хвалей, Д. В. (2025) 'Комплексная оценка уровня цифровизации сельской местности России (на примере ЦФО)', *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные науки*, (3), сс. 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3. [Hvalei, D.V. (2025) 'Comprehensive assessment of the level of digitalization of rural areas in Russia (using the example of the Central Federal District)', *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural Sciences*, (3), pp. 39–55. DOI: 10.5922/vestniknat-2025-3-3. (In Russ.)].
- Цифровая жизнь российских регионов 2020. Что определяет цифровой разрыв? (2020) Москва: Сколково. [Digital Life of Russian Regions 2020. What Determines the Digital Divide? (2020) Moscow: Skolkovo. (In Russ.)].
- Чупров, В. И. (2008) 'Концепция социального развития' в: Социология молодёжи. Энциклопедический словарь. Москва: Академия, сс. 451–454. [Chuprov, V. I. (2008) 'The concept of social development' [Kontseptsiya sotsial'nogo razvitiya] in: *Sociologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow: Academia, pp. 451–454. (In Russ.)].
- Шабунова, А. А., Груздева, М. А., Калачикова, О. Н. (2020) 'Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России', *Проблемы развития территории*, 4(108), сс. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1. [Shabunova, A. A., Gruzdeva, M. A. and Kalachikova, O. N. (2020) 'Settlement aspect of digital inequality in modern Russia', *Problems of Territory's Development*, 4(108), pp. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1. (In Russ.)].
- Arcuri, S., Brunori, G., Rolandi, S. (2023) 'Digitalisation in rural areas: exploring perspectives and main challenges ahead', *Italian Review of Agricultural Economics*, 78(2), pp. 19–28. DOI: 10.36253/rea-14368.
- De Rosa, M., Charatsari, C., Lioutas, E.D., Masi, M., Vecchio, Y. and Francescone, M. (2024) 'Contextualising digitalisation through ambidexterity and new territorial proximities', *Journal of Rural Studies*, 109, article 103322. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103322.
- Fahmi, F. Z., Arifianto, A. (2022) 'Digitalization and social innovation in rural areas: a case study from Indonesia', *Rural Sociology*, 87(2), pp. 339–369. DOI: 10.1111/ruso.12418.
- Farinha, C. A., Martins, F. C. (2025) '5G Internet in rural areas: impacts, challenges and sustainable strategies for development', *Revista de Gestão Social e Ambiental*, 19(1), article e011106. DOI: 10.24857/rgsa.v19n1-177.
- Lioutas, E. D., Charatsari, C. (2022) 'Innovating digitally: the new texture of practices in Agriculture 4.0', *Sociologia Ruralis*, 62(2), pp. 250–278. DOI: 10.1111/soru.12356.

Norris, P. (2001) *The digital divide: civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139164887.

Ofori, A. S., Keaveney, K., Gonzalez del Campo, A. and Robinson, D. (2025) 'Rural transformation through digitalisation? Understanding the digital in the context of rural

change', *European Countryside*, 17(1), pp. 91–110. DOI: 10.2478/euco-2025-0005

Shen, X. (2023) 'Digitalization in rural revitalization: a qualitative investigation of challenges' in: Digitalization and Management Innovation II. *Frontiers in Artificial Intelligence and Applications*, 376, pp. 203–208. DOI: 10.3233/FAIA230732..

Статья поступила в редакцию: 30.03.2026

Статья принята к печати: 30.04.2026

Конфликт интересов.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest.

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторе

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственной политики и публичного управления.

E-mail: morozova_e@inbox.ru (ORCID: [0000-0002-1369-7594](https://orcid.org/0000-0002-1369-7594). ResearcherID: R-9250-2016).

Русия Натэлла Тенгизовна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления.

E-mail: Natarus2412@mail.ru (ORCID: [0000-0001-5852-3574](https://orcid.org/0000-0001-5852-3574)).

Information about authors

Elena V. Morozova, Doctor of Sciences (in Philosophy), Professor, Professor of the Department of Public Policy and Public Administration.

E-mail: morozova_e@inbox.ru (ORCID: [0000-0002-1369-7594](https://orcid.org/0000-0002-1369-7594). ResearcherID: R-9250-2016).

Natella T. Rusiya, Candidate of Sciences (in Politics), Associate Professor of the Department of Public Policy and Public Administration.

E-mail: Natarus2412@mail.ru (ORCID: [0000-0001-5852-3574](https://orcid.org/0000-0001-5852-3574)).